

Поэма Осада Коринфа

Category: Kitapcy, Poemalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Поэма Осада Коринфа ПОЭМА ОСАДА КОРИНФА

Была пора: мы дружно составляли
Один кружок товарищей лихих.
Из края в край мы весело блуждали,
Не страшен был нам говор волн морских!
Без устали, бывало, без кручины,
Взбирались мы на горные вершины,
Иль по рекам пускались смело в брод, —
Всегда в трудах и вечно без забот.
И где б найти ночлег ни приходилось:
В пустыне ли на подвижном песке,
Во мгле ль пещер, иль в темном уголке, —
Как сладко нам везде спалось и снилось!
Пришлось ли лечь на берегу морском,
Или на дне ладьи в просторе водном,
Или в лесу на войлоке походном
С подложенным под голову седлом,
Везде мы спим, бывало, крепким сном,
И, встав чуть свет, опять уж в путь готовы.
Труд нипочем был нашему кружку!
Не зная нег, мы гнали прочь тоску,
Все молоды, отважны и здоровы.
Мы были смесь пришельцев разных стран,
Всех языков и убеждений дети:
Кто верил в Библию, кто в Алкоран,
Кто посещал храм Божий, кто мечети,
А кто совсем не верил ни во что;
Но обойди хоть целый мир, едва ли
Найдешь кружок — я поручусь за то —
Кто б так, как мы, не ведал злой печали.
Одних уж нет, давно истлел их прах;
Те разбрелись по всем пределам мира;

Те с клефтами бунтуют на горах,
Взирающих в ущелю Эпира,
Где жив еще свободы древней дух,
Где кровью мстять за горький стыд неволи;
О прочих же давно умолкнул слух
И не слышать об их безвестной доле.
Нет! никогда нам не сойтись опять,
Чтоб странствовать и вместе пировать.
Да, в эти дни мы не знавались с горем!
Но и теперь, теснится ль в грудь печаль,
Мечты мои, как ласточки над морем,
Уносятся туда – в немую даль,
Чрез материк, чрез воздух, сини воды,
Туда, туда – в далекий край свободы.
Он будит звук всегда в моих струнах,
И звуки струн не даром же взывают
К немногим тем, которые в мечтах
В волшебный край со мною улетают.
Пойдемте же и взглянем на простор
Тех чудных стран с Акро-Коринфских гор!

I

Промчалось много, много лет,
И бурных гроз, и бранных бед
Через Коринф; но и досель
Крепка Эллады цитадель.
Ни трусы страшные земли,
Ни натиск бур не потрясли
Скалы седой, где ключ к стране,
Стоит так гордо в вышине
Коринф на грани двух морей,
Что с двух сторон стремятся к ней,
Как бы на бой, и у скалы
Смиряют бурные валы.
Но если бы могла опять
Земля из недр своих отдать

Ту кровь которой там меж гор
Поля упитаны с тех пор,
Как брата сверг Тимолеон
И деспотъ Персии сражен, —
То в этом море кровавом
Весь потонул бы Истм кругом.
И если б кости падших там
Собрать все в груды по полям,
То въ высь поднялся б мавзолей,
Быть может, выше и грозней,
Чем горный тот Акрополис,
Чьи башни с тучами слились.

II

На Кифероне — брани клик!
Там блещет двадцать тысяч пик,
И вдоль по Истму, у горы,
Меж двух морей стоят шатры,
И полумесяц на шатрах
Играет в утренних лучах:
То чалмоносцы облегли
Коринф и близко, и вдали.
Туда вослед пашам текут
Отряды спагов, и верблюды
Несет араба на спине,
Татарин мчится на коне
И, бросив стадо, туркоман
Туда принес свой ятаган.
Там гром орудий, взрывов треск
Волн заглушают рев и плеск,
И смерть чугунные шары,
Свистя, несут с высот горы.
И распадается стена
Под тяжелой силой чугуна;
Но со стены, сквозь пыль и дым,
Огнем и метким и живым

Враг отвечает прямо в стан
На каждый выстрел мусульман.

III

Но кто под самую стеной
Всех впереди перед толпой,
Ведущей к ней подкопы мин?
Кто этот дерзкий паладин,
Постигший глубже, чем сыны
Османа, темный смысл войны?
Кого так мчит ретивый конь,
Сквозь дым, в убийственный огонь,
Туда, где вылазка врагов
Османов в страхе гонит в ров
И где с несбитых батарей
Огонь направлен в них сильней?
Кто этот вождь, вносящий жар
В упавших духом янычар? —
Гяуров ужас, стен гроза,
Стамбула гордость и краса,
Во всем искусный — строить рать,
Огонь орудий направлять,
Разить копьем, вращать булат, —
То Альп, адрийский ренегат.

IV

Родясь в Венеции, свой род
От славных предков Альп ведет;
Но, изгнан с вольных берегов,
Он поднял меч на земляков, —
Тот самый меч, которым он
Владеть был ими обучен.
Обрив главу, теперь чалмой
Обвил чело отступник злой.
В тот век, изведав много зол,
Коринф с Мореей перешел

Под власть Венеции, и вот,
У крепостных его ворот,
В ряды врагов страны родной
Он стал с той ревностью, какой
Пылает, бешенством объят,
Один лишь юный ренегат,
В котором гордый дух кипит
Воспоминанием обид.
Теперь ему в отчизне нет
Свободы милой прежних лет,
С тех пор как тайным был врагом
Вложен «в пасть льва», перед дворцом
Святого Марка, в час ночной,
Донос с презренной клеветой.
Он бегством жизнь успел спасти,
Чтоб дней остаток провести
С отчизной в гибельной войне
И доказать родной стране,
Кого она лишилась в нем,
В великом воине своем,
Который клялся крест затмить,
Решась погибнуть иль отмстить.

V

Комурги, страшный твой конец
Поднес Евгению венец,
Когда последний вождь в строю
Ты пал в Карловицком бою,
Не за себя, за мусульман
Кляня победу христиан!
Комурги, гром твоих побед
Дотоле помнить будет свет,
Пока Европа не придет
С Эллады сбросить рабства гнет
Взамен свободы, данной ей
Мечом Венеции вождей!

Прошло с тех пор уже сто лет,
Как ты, о баловень побед,
Последний вождь османских сил,
Морею Порте возвратил,
Весь край огнем опустошив
И авангард свой поручив
Младому Альпу, и тогда,
С землей ровняя города,
Тебе отступник заявил,
Как тверд он в новой вере был.

VI

Слабеют стены; все сильнее,
Все чаще, жарче с батарей
Пальба направлена на них,
Неумолкая ни на миг.
И раскаленных пушек гром
Грохочет в поле боевом,
И с страшным треском здесь и там
Валятся башни по стенам,
И в миг, как в прах оне падут
От взрыва бомб, с горящих груд
Сверкает пламя сквозь пролом,
Взвиваясь огненным столбом,
Иль, как болида страшный хвост,
Рассыпавшись в миллионы звезд,
Их искры мечет до небес,
Где сквозь густой, двойной навес
Из дымной мглы и серых туч
Не проникает солнца луч.

VII

Но не из мести лишь одной
Злой Альп, отступник молодой,
Свирепый, учит турков рат
Искусству стены сокрушать.

Из-за ограды крепких стен
Он мнит похитить деву в плен
У непреклонного отца,
Который юные сердца
Еще в то время разлучил
Как Альп Венеции служил,
Когда, счастливцев, не был он
Еще изменой заклеямен,
В те дни, когда он, в карнавал,
В пирах, всех блеском ослеплял
И всех нежнее в час ночной
Пел серенады над волной
В честь итальянки молодой.

VIII

И всем казалось, что его
Франческа любит одного,
Затем что слышали не раз
Все женихи ее отказ.
Когда ж адрийский бурный вал
Ланчотто в чуждый край умчал,
Стал гаснуть блеск ее очей,
И лик печальный стал бледней,
И стали каждый день вдвоем
Ее видать с духовником.
И если изредка на бал
Она являлась в карнавал,
То в грустных взорах шумный свет
Читал печали тайный след.
И стал простей ее наряд,
И невнимательнее взгляд,
И голос менее певуч,
И легкий шаг не так летуч
Среди танцующих гостей
Всю ночь до утренних лучей.

IX

Отправлен дожем край блюсти, —
Край что Венеции вожди
От Патры до Эвбейских вод
У Порты отняли в тот год,
Когда Собеский сокрушил
Под Будой мощь османских сил, —
Минотти, храбрый генерал
В те дни в Коринфе восседал, —
В те дни, когда расцвел как рай
Под властью дождей греков край,
И прежде чем нарушен был
Тот мир, что их освободил.
Минотти дочь привез с собой,
И красоты еще такой
На высотах морейских гор
Никто не видывал с тех пор,
Как Менелаева жена
Бежала, гостемь прельщена,
Заставив лить так долго кровь
За незаконную любовь.

Х

Стена разрушена пальбой,
И завтра с раннею зарей
В пролом по грудам падших стен
Начнется приступ злых племен.
Уже из турок и татар
Колонны выбраны; их жар
Неукротим: не даром их
Зовут «отрядом роковых».
Они проложат путь мечом,
Застелят трупами пролом,
И как по лестнице взойдут
По трупам в город, где падут.

ХІ

Уж ночь. Над гребнем темных скал
Холодный, полный месяц встал.
Струится бездна синих вод.
Безбрежным морем средь высот
Простерлась неба синева,
И звезды, света острова,
По ней рассыпались, полны
Духовной, чудной тишины.
О, кто, глядя на них, мечтой
Не уносился в край святой?
Кто не желал исчезнуть в нем,
Чтоб слиться с вечным их огнем?
Прозрачны, полны синей мглы,
Уснули волны у скалы,
По мелким камням чуть журча,
Как струйки чистого ключа.
Над морем дремлют ветерки,
Висят на древках бунчуки
И в складках их османов герб
Блестит луны серебристый серп.
И все заснуло крепким сном;
Невозмутимый мир кругом,
Лишь стража оклик подает,
Да звонко конь вдали заржет,
Да эхо вторит меж холмов,
Да слышен в стане у врагов
Немолчный говор, гул глухой,
Как шелест листьев пред грозой.
Но чу! воззвал в обычный час
К молитве муэдзина глас,
И, звук волшебный, неся он,
Как призрака пустыни стон,
Как ветерка чуть слышный свист
В струнах Эола. Звонок, чист
И мелодически-уныл,
Он сердце в трепет приводил.
Он к осажденным в грудь проник,

Пророческой судьбы их клик;
Он осаждающих смутил
Зловещим ужасом могил, —
Тем трепетом душевных мук,
Когда в нас сердце биться вдруг
Перестает, чтобы опять
Еще сильнее затрепетать,
Как бы стыдясь, что так оно
Пустой тревогой смущено,
В такой невольный трепет нас
Приводит звон в полночный час,
Когда гудит за упокой
Души отшедшей в мир иной.

XII

Стоит на взморье Альпов стан.
Пробил уж зорю барабан,
Прочли молитву, часовых
Расставили и — лагерь стих.
Все спят. Один лишь Альп не спит;
Он завтра в битве утолит
Все муки долгие свои
Блаженством мщенья и любви.
Часы бегут, и молит он,
Чтоб укрепил в нем душу сон
Для дел кровавых; но кипят
В нем думы черные как ад.
Он здесь один в толпе невежд;
Не делит с ними он надежд
Затмит луною крест в бою;
Не верит вовсе, что в раю
За каплю крови будет он
Любовью гурий награжден.
И не пылает сердце в нем
Тем вдохновительным огнем,
С каким суровый патриот

На смерть за родину идет.
Он здесь один – отступник злой,
Изменник родины святой,
Один без друга, без родных,
В толпе врагов, в толпе чужих.
Они на смерть готовы с ним,
Затем что он непобедим,
Затем что он, гяуров бич,
Сулит им в битве ряд добыч.
И пресмыкаются они
Пред ним затем, что искони
Перед людьми высоких дум
Смирался в черни темный ум.
Но все же родом он из тех,
С кем жит – в глазах их – тяжкий грех!
Они завидуют ему,
Что славен он, надев чалму,
Тогда как в юности своей
Он был упорный назарей.
Они не знают, как убить
Дух гордый дерзостью обид;
Они не знают, им чужда
Души озлобленной вражда;
Они не знают, как объять
Желаньем мести ренегат.
Он вождь, но в мире вечно так:
Кто впереди, тот и вожак.
Шакалов так смиряет лев
И, их добычей овладев,
Один съедает всю корысть,
Им оставляя кости грызть.

XIII

И лихорадочным огнем
Он весь горит, и тяжело в нем
Трепещет сердце, ноет грудь,

И тщетно хочет он заснуть —
Малейший шорох, каждый звук
Сон гонит прочь для новых мук.
Чалма палит ему чело,
Грудь стиснул панцырь тяжело,
Хотя, бывало, зауряд
Он крепко спал под грузом лат, —
Спал не в постели пуховой
И не в такой тиши ночной,
Как в этот час, но в бурной мгле,
Под хладным небом, на земле.
И Альп не в силах ждать внутри
Палатки утренней зари.
Идет на взморье, где кругом
Бойцы уснули крепким сном.
Кто усыпил их? Почему
Не спится в стане лишь ему?
Трудов им больше, смерть верней,
И многим, может, в жизни сей
Настал последней ночи сон,
А он ничем не возмущен!
И Альп, бессонницей томим,
Бойцам завидует простым.

XIV

И утолились муки в нем
На свежем воздухе ночном.
Прохладой веяло с небес,
И снова духом он воскрес.
За ним был лагерь; перед ним
С зубчатым берегом своим
Сверкал, врезаясь в грудь земли,
Залив Лепантский; а вдали
Сиял с высот Дельфийских гор
Снегов незыблемый шатер.
И лился блеск от тех снегов,

Как лился много уж веков,
Протекших здесь, где нет зимы,
И не исчезнет снег, как мы.
Рабы, тираны – всех должна
Смыть с мира времени волна;
Но белый, зыбкий тот покров,
Из легких сотканный паров,
Меж тем как гибнет все окрест,
Сияет век в соседстве звезд.
Как ткан, как облако, как пар,
Он там раскинут людям в дар
Самой Свободою, когда,
Простясь с Элладой навсегда,
Она в долины грустный взор
Последний кинула с тех гор,
Где в вещих песнях столько раз
Гремел ее могучий глас.
Но и теперь она порой
Еще слетает в край родной
К полям, принявшим вид пустынь,
К останкам храмов и святынь,
Чтоб пробудить сердца людей
Воспоминаньем славных дней.
Вотще! В них дух не оживет,
Пока сиянье не блеснет
Той вечно памятной зари,
Когда тиран бежал из при,
И пал с улыбкой на устах
Великий Спарты сын в горах.

XV

Не позабыл и Альп злодей
О славе этих чудных дней.
Бродя в безмолвии ночном,
Он вспомнил, в мыслях о былом,
О тех героях старины,

Чья кровь лилась за честь страны.
И, этой думою смущен,
Он сознавал как жалок он,
Предатель, обнаживший меч
Против отчизны в шуме сеч,
Притекший поприщем измен
На святотатный приступ стен.
О, так ли в битву шли с врагом
Вожди, чей прах почил кругом?
Они вели фаланги в бой
В защиту родины святой;
Они погибли, но жива
Их вечной доблести молва.
Об ней гласит простор полей,
Гласят ущелья гор об ней;
Она живет во мгле лесов,
Гремит и в говоре валов;
Их дух витает на горах;
Их память искрится в струях
Ручьев долин, в волнах реки,
И, мнится, шепчут ветерки
Их имена, и каждый холм,
Колонна каждая на нем,
И каждый камень на холмах
Скрывает их священный прах.
И вечно будет их страна,
Хоть ныне рабству предана,
Страной свободы, славных дел.
И патриот, когда созрел
В нем подвиг доблести, всегда
Укажет с гордостью туда
И, вдохновенный стариной,
С тираном смело вступит в бой,
Чтоб грудью родину свою
Иль отстоять, иль пасть в бою.

По взморью мрачен бродит он,
Прохладой ночи оживлен.
Недвижна зыб пучин морских:
Прилив с отливом воли их
Не укрощает и луне
Не покоряются оне.
К скале ли рвутся их валы,
Спокойно ль льются от скалы,
Шумят ли в море и кипят,
Или в заливе тихо спят, —
Безмолвно смотрит в них луна,
Над ними власти лишена.
Угрюм, не слыша их угроз,
Над ними хмурится утес,
И, как в былые времена,
Черта у ног его видна,
Где в бурю пенятся валы,
Не досягая до скалы —
На золотой гряде песков
Меж волн и зелени лугов.

По взморью он бродит при свете луны
На выстрель ружейный от грозной стены.
Но видно никем не примечен он там,
Не то — как бы смел подойти он к стенам?
Измена ль таилась в гяурских рядах,
Рука ль их ослабла, иль в сердце их страх, —
Не знаю! Но только не слышно пальбы
И пули не свищут от частой стрельбы,
Хотя он так близко стоял у ворот,
Где с моря прикрыт бастионами вход
Что мог бы расслышать как там за стеной
Угрюмо пароль принимал часовой,
Как мерным он шагом у крепких ворот
По плитам расхаживал взад и вперед.
И тут под стеною увидел эмир
Собак одичалых над трупами пир:

Грызут, пожирают псы мертвых тела,
Лежавшая грудой во рву без числа,
И мясо сдирают, как кожу с плодов,
Их белые зубы с татарских голов,
И в острых зубах, как плодов скорлупа,
Хрустят и трещат мертвецов черепа.
И так заняты они делом своим,
Что лаят на Альпа нет времени им,
И даже нет силы подняться с земли:
Так жадно на трупах, простертых в пыли
И в жертву им брошенных грозной войной,
Они утоляли глад бешеный свой.
И Альп, по зеленым и алым чалмам,
Разбросанным всюду по зыбким пескам,
Узнал с содроганьем тех лучших бойцов,
Которых он сам устремлял на врагов.
Их головы бриты; лишь пряди косы
Спускались с затылка, и лютые псы,
Те длинные косы в зубах волоча,
С голов рвали кожу, сердито ворча.
А дальше, — гнал коршун от падали прочь
Крылом своим волка, который в ту ночь,
Почуя добычу, подкрался к стене,
Держась подле взморья, от псов в стороне,
И жадно глодал в ожидании дня
Исклеванный птицами остов коня.

XVII

От страшной картины Альп взор отвратил;
Доныне в бою он безтрепетен был,
Но тут согласился б охотнее он
Услышать бойцов умирающих стон,
Узреть их боренье со смертью вокруг,
Чем видеть убитых, которым нет мук.
В нас гордость рождает опасности час,
В каком бы смерть виде ни встретила нас:

Там слава расскажет о том кто убит,
Там почесть на подвиги смелых глядит.
За то после боя как тягостно нам
Скитаться в крови по безгробным телам
И видеть как черви, как птицы небес,
Как хищные звери, покинувши лес,
На труп человека свершают набег,
Ликуя о том, что погиб человек.

XVIII

Есть храм близ Коринфа; в развалинах он,
Творенье давно позабытых племен.
В нем две-три колонны, да несколько плит,
Да мрамор, да мохом поросший гранит.
О, время, ты все истребляешь навек,
Что создал, что снова создаст человек!
О, время! щадишь ты лишь столько от дел
Свершенных давно, чтоб потомок скорбел
О том что погибло, о том что опять
Создаст он, чтоб снова забвенью предать:
Обломки и груды камней в пыли,
Воздвигнутых сыном бессильным земли!

XIX

Присев на базу под столбом,
Склонился Альп к руке челом,
Задумчив, мрачен и угрюм,
Подавлен тяжестию дум.
И он поникнул головой
На грудь стесненную тоской,
Томясь, вздыхая тяжело,
Стуча перстами о чело,
Как наша беглая рука
Стучит по клавишам, пока
Мы не исторгнем мерный тон
Из струн, хранивших долгий сон.

И был он мрачен. Вдруг с тоской
Вздохнул как будто ветер ночной.
Но был ли ветром пробужден
Меж камней этот тихий стон?
Он голову поднял, он в море глядит, —
Как зеркало море недвижимое спит.
На камни глядит он, — не зыблется мох.
Откуда ж принесся таинственный вздох?
На флаги взглянул он — недвижны они,
На лес Киферона — он дремлет в тени.
Все тихо; в лицо не пахнет ветерок.
Что ж это за голос? откуда притек?
И Альп обернулся — в сияньи луны
На камне он видит тень чудной жены.

XX

Вздрагнув, вскочил он, сам не свой,
Как будто враг вступил с ним в бой.
«о, Боже праотцев моих!
Кто ты? откуда? как в сей миг
Явилась в стан врагов своих?»
Рукой дрожащей хочет он
Перекреститься; но, смущен
Упреком совести, без сил
Он руку в страхе опустил.
Глядит, и вмиг узнал черты
И образ дивной красоты:
Его невеста перед ним,
Франческа с видом неземным.
Все те же розы средь ланит,
Но бледный туск по ним разлит.
Где блеск улыбки уст молодых,
Так оживлявший прелесть их?
Лазурь в очах ее темней,
Чем синева в волнах морей;
Но как волны холодной плеск,

Очей недвижных страшен блеск.
Под тканью легкой, как туман,
Сияют грудь и дивный стан;
И блещет роскошь плеч нагих
Меж черных прядей кос густых,
Сбегавших волнами на них.
Она не вдруг дала ответ,
Но против месяца на свет
Сначала руку подняла –
И, мнилось, так она была
Прозрачна, призрачно-нежна,
Что светит сквозь нее луна.

XXI

«Угодно судьбе, чтоб пришла я к тебе
Спасти твою душу на радость себе.
Тебя я искала в рядах мусульман,
Пройдя мимо стражи чрез вражеский стан.
Ты знаешь сказанье: и яростный лев
От дев непорочных бежит, оробев.
И Бог милосердый, дающий покров
Невинным от злобы тирана лесов,
Своей благодатью мой путь осеня,
От рук мусульманских избавил меня.
Пришла я; но если напрасно пришла,
Не узришь меня никогда, никогда!
Ты страшное дело из мести свершил;
Безумец, ты вере отцов изменил!
Сбрось на земь чалму и крестом пресвятым
Себя осени, и ты будешь моим;
Смой с гордого сердца нечистую кровь,
И завтра навек соединит нас любовь».

«Но где ж мы отпразднуем свадебный пир?
Не здесь же средь мертвых, отшедших в тот мир?
Не здесь же, где завтра мечу и огню
Сынов и святыни Христа предаю?

Здесь завтра пощады врагам не найти!
Одну лишь тебя я поклялся спасти.
С тобой улечу я в счастливую даль,
Там мы, съединившись, забудем печаль,
Там блага все в жизни тебе подарю.
Но прежде Венеции гордость смирю,
Но прежде ее ненавистных детей,
Меня обезчестивших кривдой своей,
Заставлю изведать, как бич мой разит:
Из злых скорпионов он бешенством свит».

Тогда, немая от тоски,
Она слегка его руки
Коснулась мертвою рукой.
И холод смерти гробовой
Проник до сердца, до костей.
И оторвать руки своей
Он от руки ее не мог.
И столько страха и тревог
Не ощущал он никогда,
Как здесь от пальцев изо льда,
К нему примерзших в этот миг, —
Так тонких, длинных, не живых.
Как камень сердце тяжело
В груди упало и чело
Остыло. Он взглянул: увы!
Как страшно изменились вы,
Черты прекрасного лица,
Без мысли как у мертвеца,
Без искры жизни, без любви,
Игравшей так в ее крови,
Как солнца луч в верхах струи.

Не видно движенья в устах ледяных,
Слова без дыханья исходят из них,
И грудь не волнует ей вздохом любовь,
И в жилах не льется застывшая кровь,

В очах неподвижных сверкающий свет,
Но дики их взоры и жизни в них нет;
Как взоры того, кто в мучительном сне
При месяце бродит в ночной тишине.
Так смотрят портреты с старинных обоев,
Колеблемых ветром ночью порой,
Когда, при мерцаньи лампы, в тени,
Без жизни, но словно живые, они,
Как призраки ночи, по мрачным стенам
Как будто выходят из тесных их рам,
С нахмуренным ликом; а буря ревет,
Волнуя обои и взад и вперед.

«Пусть ты отверг любовь мою;
Но Божьим именем молю —
Сорви чалму; во прах склонись
Челом преступным и клянись,
Что ты помилуешь детей
Злосчастной родины твоей.
Не то, погибший навсегда,
Уж не увидишь никогда
Не этот мир — ты в нем чужой! —
Но небеса и образ мой.
Не отвергай моей мольбы,
И пусть жесток удар судьбы,
Он может грех твой искупить
И благость к грешнику склонить.
Когда ж еще промедлишь миг,
Прими проклятье сил святых,
Тобой отвергнутых! Взгляни,
Уж гаснут звездные огни.
Вон тучка к месяцу плывет,
Она летит и вмиг уйдет.
Коль не смиришь души своей,
Пока воздушный парус сей
Скрывает светлый чолн луны,
То Бог и люди отмщены,

Твой страшен жребий, не страшней
Бессмертье гибели твоей».

И в небо смотреть Альп, и вот,
По небу облако плывет.
Но беспредельно гордый дух
Ко всем мольбам остался глух,
И, как стремительный поток,
Все чувства в Альпе превозмог.
Ему смириться! Он готов
Дрожать от робких женских слов!
Он, оскорбленный, пощадить
Врагов, которым смертью мстить!
О, нет! Хотя бы грянул гром,
Пусть грянет! Сердце крепко в нем!
И долго он смотрел, пока
Неслись чрез месяц облака.
И вот прошли, и яркий луч
Сверкнул на землю из-за туч.
«Судьбы, сказал он, не страшусь!
Уж поздно! Нет, не изменюсь!
Гроза, колебля, гнет тростник;
Но дуб не гнет, а ломит вмиг.
Всему Венеция виной;
Навек я враг ей заклятой.
Но ты моя; беги ж со мной!»
Взглянул – ее уж нет!
Блестит на колонне лишь месяца свет.
Исчезла ли в землю, слилась ли с лучом,
Не видит, не знает; все пусто кругом.

XXII

Промчалась ночь. Встает заря,
И, как для радости горя,
Рассвет ночную гонит тень
И предвещает знойный день.
Восходит солнце сквозь туман,

И вот проснулся вражий стан.

Чу! Бой барабанный и гул от шагов,
И звук заунывный турецких рогов,
И веянье в битву несомых знамен,
И говор немолчный различных племен.
Чу! ржанье и топот коней пред грозой,
И треск от оружия и крики: на бой!
Под конскою гривой шумят бунчуки
И строятся в поле на приступ полки.

Курд, татарин, туркоман!
Покидайте ратный стан!
Мчитесь, рыскайте вокруг,
Чтоб никто от ваших рук
Из бежавших через вал,
Стар иль млад, не убежал!
Мчитесь по полю, пока
На пролом идут войска.

Все уж готово; кони кипят,
Гривы волнуют, бьются, храпят,
Белую пеной кропят удила.
Войско за войском! Нет им числа.
Копьи как лес; фитили зажжены;
Тысячи жерл против сбитой стены
Грянуть готовы последний удар.
Всех впереди полки янычар.
Альп во главе их; блестит от меча
Луч в обнаженной руке до плеча.
Хан и паши выезжают вперед;
Сам их Комурги на приступ ведет.

С первой пушкой вестовой
Смело кинемся на бой!
На Коринф! и смерть врагу!
Бог, пророк! Гу, Алла-гу!

XXIII

Как волки с воем в час ночной
Летят на буйвола грозой;
А буйвол, с яростью в глазах,
Ревет, копытом топчет в прах
И подымает на рога
Остервенелого врага:
Так мчатся на стену орды,
Так гибнут первые ряды.
И, расшибаясь как стекло,
Не мало там кольчуг легло
Под градом ядер, под огнем
Гранат, взметавших пыль столбом.
И как под острую косой
Трава ложится полосой,
Так на земл, как пал во прах,
Лежит рядами падший враг.

XXIV

Но как весенних вод напор
Свергает груды камней с гор
И вокруг обрушенной скалы
Катит вспененные валы,
Стремясь, как падают снега
С вершины Альпов на луга:
Так наконец перед толпой
Врагов, упорной и густой,
Утомлены, сокрушены,
Коринфа падают сыны.
Рука с рукой, плечо с плечом,
Герои рубятся с врагом
И массой падают во прах,
Не уступая ни на шаг.
Там крик победы, падших стон
И копий треск, и сабель звон
Сливался с грохотом пальбы,

И гул отчаянной борьбы
К далеким неся городам.
В волненьи страха ждали там,
В чью пользу бой судьба решит,
Веселье ль, горе ли сулит
Сей страшный гром, сей грозный спор,
Потрясший гулом недра гор,
Все заглушающий сей глас,
Пред коим вся земля тряслась
От Саламина до высот
Мегары и Пирейских вод.

XXV

И бой кипит, — последний бой,
Кровавый, страшный, роковой.
И вот вломился в город враг;
Он грабит, ржет, все во прах
Ниспровергает. Перед ним
В крови, по скользким мостовым,
Бегут, подымая страшный стон,
Толпы детей, и дев, и жен.
Но где возможность есть бойцу
Встат в бой с врагом лицом к лицу,
Еще кружки отважных там
Сопротивляются врагам
И, прислонясь к стене спиной,
Ведут упорный, тщетный бой.
Меж них, в красе своих седин,
Могуч и ростом исполин,
Сражался старец. Бодр и смел,
Он полукругом вражьих тел
Путь пред собою устилал
И невредимый отступал.
Хоть под кирасой много ран
Скрывал безстрашный ветеран,
Но эти раны — славный след

Кровавых битв минувших лет.
Хоть стар, все ж крепок он как стал,
И силой, мужеством едва ль
Сравнится наша юность с ним.
Один, неверными тесним,
Он отражал их вокруг себя
И, страшно саблю рубя,
Османских многих матерей
В тот грозный день лишил детей. —
Детей, еще не зревших свет,
Когда впервые, муж побед,
Свой меч он в цвете юных сил
Турецкой кровью оросил.
Уж много лет с тех пор прошло,
Как сын единственный его
Нашел в бою у Дарданелл
Свой преждевременный удел.
С тех пор, вступив с луною в брань,
Минотти гибельная длань
Сынов османских без числа
Как жертву сыну принесла.
И если крови страшный пир
Дает теням желанный мир,
То и Патроклъ не так отмщен,
Как сын его, что был сражен
Там где, Европу отделив,
Шумит вдоль Азии пролив,
Где в дни минувшие легло
Бойцов несметное число;
Но мы не знаем, где их прах,
Где пали храбрые в боях.

Нет камня над ними; их пепел истлел;
И жить в песнопеньях — их вечный удел! —

XXVI

Чу! снова крики: Алла-гу!

То Альп теснимому врагу
С отборным войском янычар
Несет решительный удар.
Чтоб мог разить быстрее меч,
У Альпа руки вплоть до плеч
Обнажены; летя вперед,
Манит он рати, он зовет.
Пусть на другом убранство лат
Влечет врагов корыстный взгляд;
Пусть у другого из пашей
Чалма богаче, меч ценней;
Но Альпа всяк узнает вмиг
По грозным взмахам рук нагих.
Где Альп, там жарче бой кипит;
Где он, там яростней разит
Его орда ряды врагов.
Там стяг его средь бунчуков
Всех выше вьется, как лучи
Кометы пламенной в ночи.
Где эта грозная рука
Ведет османские войска,
Повсюду смерть и гибель там;
Там нет пощады беглецам,
Там нет пощады и бойцу,
Который, близкий уж к концу,
Борясь со смертью на земле,
В крови, без страха на челе,
Рукой ослабленной еще
Разит врага, но уж вотще.

XXVII

Минотти бьется, невредим.
Вдруг Альп является пред ним.
«Старик, сдавайся! для любви,
Для дочери твоей живи».

— О, нет, отступник, никогда!

Куплю ли жизнь ценой стыда?

«Франческа, друг души моей!
Ужель погибнуть должно ей,
Старик, по гордости твоей?»
– Ты ей не страшен. – «Где ж она?»

– «В стране, откуда изгнана
Душа злодея – в небесах!»
И с злой усмешкой на губах
Минотти видит, как сражен,
Как громом, страшной вестью он.

«Когда ж, о Боже! дочь твоя
Скончалась?» – «В эту ночь, и я
О ней напрасных слез не лью;
Не посрамишь ты кровь мою
И не падет она рабой
Пред Магометом и тобой.
Сражайся!» Тщетно в бой он звал,
Уж Альп меж трупами лежал.
Пока Минотти злая речь,
Убийственной чем острый меч,
Язвила грудь его тоской,
Раздался выстрел роковой,
Направленный из царских врат
Соседней церкви, где отряд
Бойцов, собрав остатки сил,
Жестокий бой возобновил.
Сверкнул, как молния, в глазах
Огонь и вечной ночи мрак
Покрыл его померкший зрак.
И прежде чем заметил взор,
Откуда выстрел дан в упор, –
Альп, закружившись, пал во прах.
С предсмертной мукой на челе
Лежал он в корчах на земле.
Его приподняли; но лик,

В крови, в пыли, был страшен, дик;
Сочилась кровь из бледных губ
И был он холоден как труп.
Не билось сердце, блеск в глазах
Потух и замер стон в устах.
Он умер, но кончины миг
Не возвестил ни вздох, ни крик,
И прежде чем мелькнула в нем
Мечта о Промысле благом,
Уж дух его умчался в ад,
До самой смерти – ренегат.

XXVIII

Тогда в рядах друзей, врагов
Поднялся вопль до облаков,
И был он радостен и дик,
Крик торжества и мщенья крик.
И снова вспыхнул бой: с плеча
Секут мечи, о меч стуча,
Трещат, ломаясь, древки пик
И всюду смерть и смерти крик.
Меж тем, в крови, в дыму, в пыли,
Минотти каждый фут земли,
Рубясь, упорно защищал
И шаг за шагом отступал.
С ним горсть отважных удалцов
Путь прорубает сквозь врагов,
Стремясь проникнуть в Божий храм,
Откуда, в мщение врагам,
Тот грянул выстрел, что смирил
В свирепом Альпе рьяный пыл.
Туда-то трудною тропой
Стремился храбрых грозный строй,
И, обратясь лицом к врагу,
Неся на каждом смерть шагу,
Вслед за вождем, сквозь толп густых,

Проник под своды стен святых:
За их твердыней, кончив труд,
Герои дух переведут.

XXIX

Минутный отдых! Вновь орды,
Сомкнувшись в плотные ряды,
Так сильно ринулись, что им
Уж нет возврата и самим.
Так узок путь, ведущий в храм,
Что если б первым их рядам
Вложил страх в душу мысль бежать,
Рядов им задних не прорвать:
Им надо биться, погибать!
Пусть гибнут: где один падет,
Там сотня мстителей встает,
И, не слабея от резни,
Тесней смыкаются они.
И вот уж турки у ворот.
Еще противится им вход;
Еще из окон, из дверей,
Из всех отверстий и щелей
Их поражает частый град
Каменьев, пуль, ручных гранат.
Но дверь колеблется, листы
Железа прочь, трещат болты...
Нагнулась, падает, и вот
Последний час Коринфу бьет!

XXX

Пред алтарем суров, угрюм,
Исполненный зловещих дум,
Стоит Минотти; а над ним,
Одеян светом неземным,
Блестит Мадонны лик в лучах,
Со взором блажности в очах.

Он там блесит над алтарем,
Чтоб мы сливались с божеством,

Когда, колена преклоня,
Мы зрим, как светлый лик Ея
С предвечным Сыном внемлет нам
И воскреляет к небесам
Улыбкой кроткой глас молитв.
Она и нын в шум битв
Глядит на гибнущих в крови
Все теми ж взорами любви.
К ней старец взор возвел; потом,
Грудь осенив себе крестом,
Схватил свечу пред алтарем.
Он ждет; меж тем и здесь и там
Османы рвутся в Божий храм.

XXXI

Под мозаикой древних плит
Есть склеп: там прах усопших спит;
Там есть и надписи им в честь,
Но их нельзя теперь прочесть.
Теперь обломками щитов,
Мечами, шлемами бойцов
Покрыты, кровью залиты
Гербы, надгробные щиты.

Теперь там всюду мертвецы:
Вверху – убитые бойцы,
Внизу – под сводами, в гробах,
Усопших предков бранный прах.
Но и усопших мирный сон
Войною не был пощажен:
Она, проникнув в мрак сырой,
Там в коридорах под землей
Скопила страшный свой припас,
И в дни осады, в грозный час,

Там учредила средь пучин
Пороховой свой магазин.
Туда проложен уж привод,
Последний роковой оплот
В борьбе отчаянной! — И вот —

XXXII

Ворвался враг, как лютый зверь,
И кто сразится с ним теперь?
Все пали, некого губить!
Чтоб жажду мщенья утолить,
На трупы враг заносит меч,
Срубает головы им с плеч;
Те с злобой статуи святых
Свергают в прах из нишей их;
Те грабят, рушат все вокруг;
Те друг у друга рвут из рук
Святую утварь, образа
И все, что кинется в глаза.
Уж к алтарю они бегут!
Еще стоит на нем сосуд,
Из золота чистого литой,
Тяжелый, с хитрою резьбой,
Манивший ценностью своей
Глаза свирепых дикарей.
Сегодня утром в нем вино
В Христову кровь освящено
Для очищенья от грехов
Души готовых в бой сынов.
Пред алтарем пылают в ряд
Двенадцать золотых лампад —
Корысть безценная, она
Врагу последней быть должна!

XXXIII

Бегут, и первый из врагов

Схватить добычу уж готов.
Но, упредив,
Минотти пламенной свечой
Поджог привод пороховой,
И — грянул взрыв!
И вмиг свод храма, стены, шпиц,
Алтарь, добыча, ряд гробниц,
И склеп, и все, что было там,
Живые, мертвые, весь храм,
Взлетели с треском к небесам.
И дрогнул город; стены в прах;
Волна отхлынула; в горах,
Как от удара под землей,
Раздался страшный гул глухой.
И с дымом, с пламенем, клубясь,
Пыль к небу вихрем поднялась
И возвестила, что судьбой
Решен свирепый, долгий бой.
И все, что было на земле,
Взвилось ракетами во мгле.
И много воинов живых
Под облака взлетело вмиг,
И, обгорелые, из мглы
Упали вниз с дождем золы,
Кто на долину, кто в залив,
В нем сильно воду возмутив
И оставляя в ней круги.
Кто тут друзья, кто тут враги,
Кто франк, кто турок — как узнать?
Того не скажет нам и мать!
Увы! качая в прежни дни,
Лаская сына у груди
И с нежной кротостью глядя
На спящее свое дитя,
Воображала ли она,
Что день придет, когда война
Так эти члены исказит,

Что в них и мать не различить
Черты ей милого лица! —
И вниз летели без конца
Каменья, бревна, головни,
И, в землю врезавшись, они
Дымились многие там дни.
И все живое этот гром
Смутил на много мил кругом.
Взвились птицы; стаи псов
От тел бежали в глубь лесов;
Верблюды вырвались из рук;
Вол опрокинул в поле плуг;
Порвав узду, пугливый конь
Бежал на волю, весь огонь;
Лягушки крик свой средь трясин
В нестройный слили хор один;
А на горах, где гул не молк,
Взвыл не один голодный волк.
И, вторя вою волчьих стай,
Шакалы вдруг подняли лай,
Протяжный, жалобно-глухой,
Как детский плач иль песий вой.
И, мощно крыльями взмахнув,
Орел раскрыл в испуге клюв,
И с криком с горного гнезда
Поднялся медленно туда,
Где за клубами дымных туч
Сияет солнца яркий луч,
И, выше, выше возносясь,
Он наконец исчезнул с глаз
За черной тучей громовой.
Такъ палъ Коринф перед луной!

Перевод поэмы — Д.МИНА. Poemalar